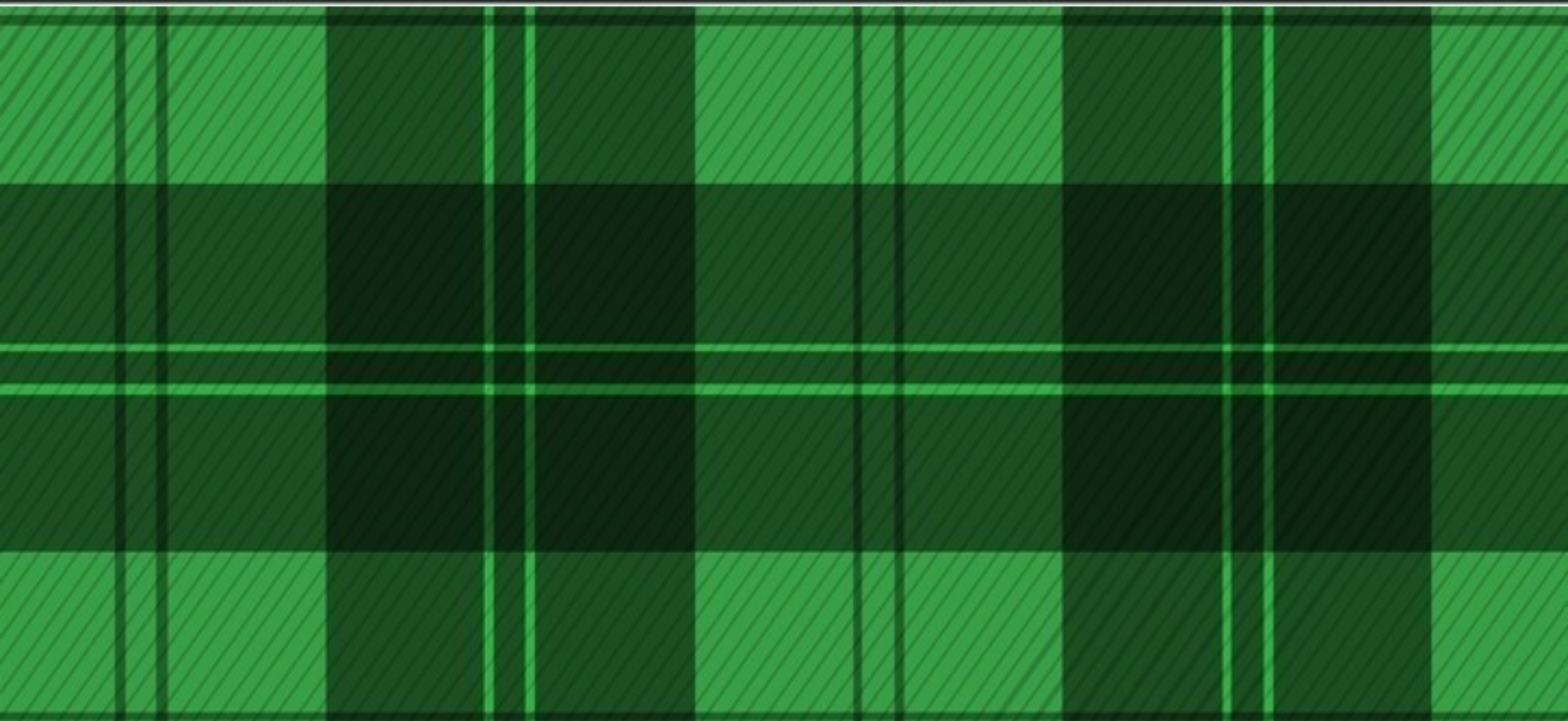

Иван Державин

*Звезды,
которые мы
гасим*

ЭХО ЛЮБВИ

Иван Державин

**Звезды, которые мы
гасим. Эхо любви**

«Издательские решения»

Державин И.

Звезды, которые мы гасим. Эхо любви / И. Державин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748267-1

Бывают ошибки молодости, эхом отзывающиеся в старости. Пенсионер Ларшин, успешно и интересно проживший жизнь, заканчивает ее полунцим с нелюбимой женой и без детей. Неожиданно он получает из далекого прошлого весточку в виде восьмилетнего внука, которого может получить, если вспомнит, кто из знакомых девушек его бабушка и если заплатит за внука огромный выкуп.

ISBN 978-5-44-748267-1

© Державин И.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Звезды, которые мы гасим

Эхо любви

Иван Державин

Последняя повесть в духе социалистического реализма

© Иван Державин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Конец двадцатого века

1. Маршрут у него был опробован еще сорок пять лет назад с тех пор, как он переехал в этот элитный по меркам тех лет высотный дом. Трехкомнатную квартиру ему дали после получения им Сталинской премии за разработку сверхпрочной нержавеющей стали для ракет. В первое же утро после переезда сюда он выбрал себе маршрут ежедневной утренней пробежки вдоль набережной Москвы-реки. В то время длина его составляла десять километров. Сейчас она уменьшилась до двух: как – никак в следующем году ему стукнет девяносто. После этого, скорее всего, он перейдет на ходьбу, на чем уже давно настаивали врачи, каким-то образом узнававшие о его пробежках. Но он их не слушал, так как они не были для него примером, потому что сами не бегали.

Выйдя из подъезда, он вдохнул пьянящий морозный воздух и перешел улицу, следя за машинами. Их стало настолько много, что летом он был вынужден делать крюк до светофора. Но сегодня было воскресенье и проблем с переходом почти не было. Он любил именно воскресные утра, чистые и спокойные.

Теперь его бег трудно было назвать бегом, скорее это была быстрая ходьба с приседаниями или легкие прыжки не на месте, а с продвижением вперед, но и от этого он задыхался. Изменились и упражнения на площадке у самой воды, к которой вела лестница из двадцати четырех ступенек. Число приседаний он снизил до двадцати, на руках стал отжимать не все тело, а лишь туловище без отрыва колен от земли, доставая ладонями до земли, ловил себя на желании согнуть колени и так далее. Слабым утешением было то, что многие его сотрудники, которые были на двадцать лет моложе его, не могли делать и этого. Или взять того же зятя. Всего шестьдесят два, а уже жалуется на сердце, потерял к жизни интерес. И все потому, что перестал бегать и, как Вероника подозревает, начал попивать. Сама виновата: не надо было оставлять его одного за границей по полгода.

Добежав до площадки, он спустился вниз и начал делать зарядку с разведения рук в стороны, глядя на воду. Она действовала на него успокаивающе.

Услышав сзади шаги, он обернулся и успел увидеть высокого молодого человека с поднятой вверх рукой, в которой был разводной ключ. Ни отпрыгнуть, ни отвести голову он не сумел. Уже зная, что это конец, он услышал хруст черепа, но особой боли не почувствовал.

Убийца уложил на землю жилистое тело старика и, проведя руками по бокам, вынул из куртки ключи на цепочке. Сунув их себе в карман, он подтащил тело за одну ногу в кроссовке к воде и столкнул его вниз. Услышав всплеск воды, он переступил кровавый след, стараясь не наступить на него, и поднялся вверх. Там он сел в подержанную иномарку рядом с водителем.

– Надеюсь, ты его не убил? – спросил водитель, озираясь по сторонам.

Он был того же возраста, такой же большой, с тоже красивым без видимых следов интеллекта лицом.

– Надейся... Можешь не спешить. Пока бы он сделал зарядку и отсюда добежал, рассыпая песок...

– У тебя в его годы и песка не будет.

– В гробу я видел его годы. У него уже полвека шишка не стояла.

Поворачивай за красным домом и давай в объезд.

Они подъехали к дому с другой стороны. Водитель остался в машине, а убийца пошел к подъезду. Возиться с домофоном ему не пришлось, так как в ключнице оказался магнитный открыватель. Лифт стоял пустой, и на шестой этаж убийца поднялся на нем. Дверь он открыл тихо, но его все равно услышали.

– Что-то ты сегодня, Димуля, рано? – послышался из левой двери старческий женский голос.

– А-а-а, – невнятно ответил убийца и подскочил к двери.

– Что это у тебя, Димуля, с голосом? Не простудился ли?

В двери показалась тощая с редкими седыми волосами старушка в ночной рубашке. Убийца обхватил рукой ее за шею и зажал рот рукой.

– Тихо, бабка, поняла? Говори быстро, где зелень, золото и документы, а то прикончим твоего Димулю. – Почувствовав, что она обмякла и повисла на его руке, убийца уложил ее в постель и похлопал по морщинистым щекам. – Бабка, ты чего? Уже скопытилась?

Он приложил палец к ее щеке, выругался и, быстро оглядев спальню, стал рыться в прикроватных тумбочках и гардеробе. Поиски его увенчались успехом, хотя денег не было. В гардеробе он отыскал женскую сумку в виде чемодана, а в ней с десятков пакетиков с драгоценностями. Высыпав их, не разглядывая, в карман куртки, он стал просматривать бумаги, пропуская многочисленные дипломы и наградные книжки. Его заинтересовали несколько листов, которые он внимательно прочитал. Положив их обратно в сумку, а ее в гардероб на место, он прошел в гостиную и оглядел ее. Его внимание привлекли ордена и медали на подставке, обитой бархатом. Их было много. Из коридора он принес спортивную сумку с большими белыми буквами «СССР» и положил в нее ордена и медали вместе с бархатом. На мелочевку размениваться он не стал и взял лишь, на его взгляд, самое ценное: два альбома с марками, полагая, что у академика они должны быть редкими, два позолоченных подсвечника в виде женских фигур и две старинные иконы, которые снял со стены в спальне, куда перед уходом зашел проверить старуху. Увидев, что она очнулась и смотрит на него, он приподнял ее и крутанул в сторону голову.

На кухне убийца наконец нашел три сотни, лежавшие в конфетной коробке. Там же были две пенсионные книжки. Он заглянул в них и мысленно выругался: «А говорили, что он и она знаменитые на весь мир. А самого главного: денег, – не нажили». Еще раз оглядев кухню, он взял со стола яблоко и тут же надкусил его.

Перед уходом он снова заглянул в кабинет, весь в книгах от пола до потолка, и, подумав, снял со стены несколько миниатюрных картин в дорогих рамках. В сумку они не лезли, и одну картину пришлось оставить.

Покидал квартиру он в плохом настроении. Ему нужны были живые деньги, а их в квартире не оказалось. С тем, что он взял, еще придется повозиться, чтобы реализовать, и то надо подождать, пока не закроют дело.

Чтобы никого не встретить в лифте, он пошел вниз пешком, и все-таки встретил на втором этаже выходящего из двери мужика с мусорным ведром. Увидев его, мужик, вернулся к полуоткрытой двери и вытаращил на него глаза, словно увидел на лестнице спускавшуюся лошадь. Но больше он смотрел на сумку. Убийца непроизвольно сделал в его сторону пугающий шаг. Мужик тут же скрылся за дверью и заскрипел запорами.

Усевшись в машину, убийца сказал вопросительно посмотревшему на сумку водителю.

– Мелочевка. Живых не было и на сберкнижках крохи. А так все оформлено на нее. Берлога хорошая. Может, в натуре, тонн на двести потянуть.

Когда тронулись с места, убийца нащупал в кармане драгоценности и, скосив глаз на водителя, подумал, что тому о них знать не обязательно.

2. Услышав хлопанье двери, Ларшин Андрей Иванович, 1936 года рождения, русский, из крестьян, бывший член ВЛКСМ и КПСС, с тремя высшими образованиями и владеющий четырьмя иностранными языками, не привлекавшийся к суду и не имевший родственников за границей, но сам побывавший по работе в трех десятках стран, в том числе в четырех по несколько лет, отложил книгу и взглянул на настенные часы. Это уехала на работу жена Вероника с похожими анкетными данными, но происходившая из служащих, а точнее из дво-

рянского рода, профессор и доктор технических наук. Ему на работу не надо было идти, однако он все равно поднялся и надо сказать, сделал это довольно легко, так как за последние тридцать лет почти сохранил фигуру. Лишь в последнее время стал расти живот от пива, а больше от безделья.

Полгода назад он вернулся из своей последней заграничной командировки, самой длительной и самой неприятной, совпавшей с развалом страны и начавшимся в связи с этим в ней бардаком, который напрямую отразился на внешнеторговых связях. Шесть лет Ларшин проработал в Штатах, с заданием спасти от банкротства и сохранить до лучших времен советско-американскую фирму, что он и сделал, выкручиваясь, как мог, и даже получал прибыль, но приехали из России два бугая от нового главного акционера, приказали ему срочно продать фирму, а его перебросили в Канаду спасать похожую фирму. Ему удалось продержаться и ее три года, но в России опять поменялся главный акционер и опять приехали бугаи, на этот раз трое и все наголо бритые, приставили к его горлу нож и дали час на сборы домой. Он давно сидел на одном чемодане, отправив заранее вещи с регулярно навешавшей его Вероникой, и с радостью улетел домой. Но радость его сильно омрачилась и даже перешла в депрессию, когда он увидел, что сделали с его страной, второй по могуществу в мире, когда он уезжал в командировку в Штаты. Вернулся он совсем в другую страну, обкургузенную и жалкую, а главное, потерявшую свою до боли родную, отличную от других стран индивидуальность.

Бугаи скрыли от него, что пославшее его в командировку внешнеторговое объединение приказало долго жить. Другие подобные организации в таких старых работниках, как он, не нуждались, да он и сам не хотел работать на бугаев, так как привык работать лишь на государство. Он занялся оформлением пенсии. Увидев ее размер (50 долларов), он рассмеялся, но смех его оборвался, когда он узнал, что почти все их сбережения сгорели во время августовского дефолта, после чего он опять занялся поиском работы. Ему почему-то везде предлагали только работу сторожем, и он согласился пойти в свой гараж, но этому категорически воспротивилась Вероника, опасаясь, что там он обязательно сопьется и не сможет возить ее на дачи, которых у них после убийства ее родителей стало две. Ему было все равно, и он превратился в домохозяина, основной задачей которого было закупать продукты и самому себе готовить обед. Завтрак и ужин по-прежнему готовила жена, мастерица этого дела.

Она явно прогадала, не пустив его работать. Там за работой он наверняка пил бы меньше, а здесь питье стало для него единственной отдушиной, если считать питьем бутылку-две пива по будням, когда Вероника была на работе и не видела это, и водку по праздникам под ее бдительным оком. Сама она, выпившая за всю свою жизнь два бокала шампанского на их свадьбе, всех без исключения пьющих считала алкашами. Разумеется, его в первую очередь.

Позавтракав и немного почитав, потому что телевизор Ларшин не смотрел, чтобы ненароком не увидеть на экране полудохлого президента, которому не мог простить Беловежский сговор, он стал собираться за покупками. Их он обычно начинал с рынка, где многие продукты и пиво были дешевле, и заканчивал в магазинах, где от колбасы и сыра была хоть какая-то надежда не отравиться.

К пиву он пристрастился в основном уже здесь. Там, в американском Сиэтле и канадском Ванкувере, где он чаще был один без Вероники, продолжавшей работать в своем НИИ, он больше пил джин с тоником и ром с пепси-колой. Но здесь это было не по карману, особенно после дефолта, а стоимость одной-двух бутылок пива или в редких случаях по какому-нибудь поводу четвертинки водки незаметно растворялась в общих расходах, о чем Вероника, для ее спокойствия, не догадывалась.

3. Телефонный звонок остановил его, когда уже одетый он направлялся к двери.

– Андрей Иванович Ларшин здесь живет? – спросил женский голос с ударением на «живет».

– Живет. Это я, – ответил он, гадая, кто бы это мог быть. Голос ему был не знаком да и такой вопрос задают обычно, когда разыскивают человека, не будучи уверенным, что он жив.

– Скажите, вы жили в конце шестидесят четвертого – начале шестидесят пятого в Летном? Мысленно повторив названный период, Ларшин вспомнил, что осенью шестидесят пятого он женился и переехал в Москву.

– Да, жил. А в чем дело?

Трубка замолчала, и в ней послышался невнятный говор.

Заинтригованный Ларшин расстегнул куртку, снял шапку и присел на пуфик у телефона.

– А это мы вам скажем и покажем, когда к вам приедем, – услышал он.

– Вы – это, простите, кто?

– Вот вы тогда и увидите. У вас улица Чертановская, дом девять, квартира сорок три?

Вероника категорически запретила ему давать кому-либо свой адрес и телефон – не то время. Но позвонившая это уже знала, да и бояться в его годы было поздновато. Он ответил дипломатично:

– Предположим. Но намекните, с кем или с чем будет связан ваш визит? Как мне следует к нему подготовиться?

– Да уж без бутылки не обойтись, – засмеялась трубка. – Сюрприз вас ожидает большой, и я надеюсь, лично для вас приятный. А вот будет ли он приятен для вашей жены, в этом я не уверена.

Это кое-что проясняло. Ларшин предположил, что звонившая знала или слышала о Веронике. Что правда, то правда. Любое посещение именно его, а не ее, она встретила бы, мягко говоря, без восторга, так как чаще всего оно сопровождалось выпивкой. Хоть ничего и не скажет и будет любезна, но будет открыто поглядывать на его рюмку, отчего всякое желание пить и говорить пропадет.

Завтра и послезавтра были выходные дни, да и не то было время, чтобы вести домой незнакомых, и он сказал:

– В таком случае подъезжайте в любой день после воскресенья. Но у меня тоже есть условие. Вначале мы встретимся в метро, раз вы не говорите, кто вы. Сколько человек вас будет?

– Два с чекушкой, – засмеялась трубка, и опять послышался говор. – Нам удобнее встретиться с вами у вашего дома.

– Хорошо, как скажете. Когда вас ожидать?

– В понедельник в двенадцать. А чтобы вам не было скучно в эти дни, вспомните всех своих девушек в то время, у которых от вас могло появиться потомство.

Услышав гудки, ошарашенный Ларшин продолжал держать трубку у уха в надежде услышать хоть что-нибудь дополнительно.

4. Ребенка ему Вероника так и не родила. Сначала он об этом не думал, был занят учебой, языками, работой. А когда спохватился, было уже поздно начинать жизнь с другой. К тому же Вероника и теща держали его мертвой хваткой. Да и Веронику было жалко бросать. Баба она в принципе не плохая, по-собачьи ему преданная. И с этим делом у нее было нормально. Темпераментом она никогда не отличалась, но ребенка хотела больше всего на свете и старалась, как могла. Это уже потом у нее произошел сдвиг по фазе. Может, оттого что перестаралась, и весь свой запас досрочно истратила. Говорят же, что в этом деле каждому отпущен свой лимит. Кому двадцать тысяч мало, а кому и двадцать раз достаточно. Как у него с Броней. Что и с кем у него до и после нее было, все забыл, а с ней помнит каждую минуту.

Стоп! – стукнул он себя по лбу, подходя к рынку. Броня как раз попадала в середину названного женщиной периода. Они познакомились перед новым годом и расстались в январе.

Однако он решил, что женщина могла иметь в виду не только декабрь и январь, а отрезок чуть подлиннее, например, с октября по март. Перед Броней у него была Вилька, и после

наверняка кто-нибудь был из числа мимолетных увлечений, улетучившихся, как сигаретный дым. А этих двоих он помнил, особенно Броню. Вернее, ее он никогда не забывал.

Почувствовав перебои в сердце, он приложил к левой руке большой палец, прислушиваясь к пульсу. Остановки были через три удара. Ему сказали, что сердце не выдержит, когда оно будет биться через раз. Значит, ждать ему осталось не долго.

К смерти он относился спокойно, скорее безразлично, считая, что пожил и повидал на этой земле достаточно и ничего нового больше не познает, а главное, больше ничего полезного для своей страны, которой всю жизнь служил верой и правдой, в такой обстановке уже не сделает. Еще он считал, что для человечества его уход не будет большой потерей. Он – не тесть с тещей, известные ученые, убитые грабителями месяц назад. Со всего света телеграммы с соболезнованием шли. А он даже не выполнил условие, согласно которому жизнь считалась не напрасной. Детей не оставит, дом не построил, разве что посадил на каком-нибудь субботнике дерево. Он полагал, что жизнь заканчивал бесславно. В этом смысле звонок обнадежил его. Выходит, что кто-то после него все-таки останется на этом свете. А что, я не против, подумал он. Выходит, не напрасно проживу жизнь. Если под четвертинкой женщина имела в виду ребенка, то мне он будет внуком или внучкой. Сама она, судя по непринужденности ее тона, скорее всего была женой сына, с кем переговаривалась во время разговора. Сам он позвонить не захотел, что было вполне понятно: обижен за свою мать. Вот только бы еще знать, кто она.

Не знакомый с чувством отцовства, Ларшин, тем не менее, наряду с ошарашенностью, был приятно взволнован.

Учитывая, что сегодня был особый повод, он купил бутылку водки с томатным соком и, не удержавшись, тут же у ларька выпил бутылку пива. Хмель немного сняла с него напряжение от звонка, и он даже вспомнил анекдот о небритом мужике, который выпытывал у старухи через дверь, делала ли она сорок лет назад аборт. Когда она созналась, что делала и ребеночка выбросила в ведро, обрадованный мужик заорал: «Мам, открой! Это я, твой сынок!».

Дома, сидя в кресле и попивая коктейль «Кровавую Мэри», он окунулся в воспоминания. Неожиданно он сделал открытие, что названный женщиной период оказался важным, не только в его жизни, но и для страны, если иметь в виду снятие со всех постов в середине ноября шестьдесят четвертого года Хрущева. Его Ларшин не любил за топорное разоблачение культа личности Сталина, ставшее осиновым колом, воткнутым в спину великого государства.

Вместе с тем Ларшину была по душе наступившая в те годы оттепель – время раскрепощенных стихов и костровых песен. Писал стихи и он.

Октябрь – ноябрь 1964 года

1. Из бардов больше всех Андрей признавал Окуджаву, а из молодых поэтов – Евтушенко. Именно признавал, так как любил только Есенина и раннего Маяковского, ну и, конечно, со школы Лермонтова. Этих он любил самозабвенно и будет восхищаться их гениальностью до конца дней своих. А тех двоих, Окуджаву и Евтушенко, выбросил из памяти, как ненужный хлам после того, как они стали ярыми антисоветчиками. Сам же он, чтобы не быть не скромным, свои собственные стихи даже не признавал, а просто писал, считая, что этот процесс помогал ему лучше понять творчество других. Но девушкам он читал исключительно свои стихи, от которых они, как правило, млели.

Кроме одной, писавшей их лучше его.

Девушек у него, по сравнению с другом детства Борисом, было совсем не много, а стихов еще меньше, учитывая, что сочинял он в основном длинные поэмы.

Больше всех его стихи любила Вилька, с которой он познакомился в октябре этого года. Она не только знала их все наизусть, а даже их сама напечатала, сделав подобие сборника.

С ней он оказался верен своей романтической натуре влюбляться с первого взгляда. Увидев ее мимоходом возле танцевального клуба в окружении десятка парней допризывного возраста, не спускавших с нее рабски покорных глаз, он не мог оторвать взгляда от ее тростниковой фигуры, откинутой вверх (потому что все парни были намного выше ее) маленькой головки с темной коротко стриженной прической, от бледного овального лица с глазами, издали похожими на две кляксы туши на ватмане. Когда уже в клубе, куда он пошел из-за нее, он, нагло пройдя сквозь кордон парней, стоял перед ней, и она минуту изучала его с головы до ног, глаза ее больше походили на маслинки в сметане, а схожесть с кляксой придавали им густые черные ресницы. В такие глаза даже не смотрят по-есенински («Мне бы только смотреть на тебя, видеть глаз светло карий омут»), а тонут, не всплывая. Глаза своей жены Андрей представлял именно такими, и у него довольно скоро мелькнула мысль жениться на Вильке. Она, эта мысль, пришла ему впервые за четыре с лишним года пленения Ритой, и он обрадовался ей. Ему уже было двадцать восемь, и его называли холостяком.

Очевидно, Вилька тоже заимела на него виды, если вскоре назначила свидание у себя дома, когда в сборе было все семейство: отец с матерью и две младшие сестренки с такими же глазами, взятыми у матери, похожей на цыганку или турчанку. Андрею не понравилось, что мать была довольно толстая, но он успокоил себя тем, что отец был в два раза худее ее, и Вилька могла остаться фигурой в него. Отец был майор стройбата и настолько некрасивый, что Андрей засомневался в его истинном отцовстве красавиц дочерей. Зато он был оригиналом. Будучи сам Кузьмой Матвейчем, он назвал дочерей Виолеттой, Аидой и Изольдой. Андрея он сразу принял в семью и, выпив, стал выпытывать, где они намерены жить после свадьбы.

Еще месяц назад Андрей, выросший во дворе, усеянном, как цыплятами, девчонками, отцы которых не вернулись с войны, услышав о женитьбе, моментально наострил бы лыжи и отвалил, а здесь продолжал сидеть и даже поддерживал разговор. Тут он вспомнил, что еще ни разу не поцеловал будущую жену, не говоря о другом, а лишь любовался ею, и в этот же вечер начал с поцелуя. Как он и ожидал, она совсем не умела целоваться. Ее острый язычок лишь на мгновение выглянул скворчком и тут же исчез, но прикосновение с ним было для него сладостнее многочасового лобзания с другими опытными девушками. Даже не пытаясь представить наслаждение от другого, в следующее свидание он пригласил Вильку к себе домой, подгадав, когда мать работала в ночную смену. Она пошла с большой опаской в отношении его намерений, которые он не особенно скрывал, раз уж дело шло к свадьбе. Стараясь его не обидеть, она нежно отводила его руки, но ведь и она была не из камня и с трудом сдерживала себя. В конце концов, это у них произошло спустя несколько встреч после разговора с отцом о свадьбе, и Андрей не смог скрыть своего разочарования. Узнав причину, Вилька страшно оскорбилась и порывалась уйти. Он не стал ее удерживать, но она осталась и заплакала. Ему стало жаль ее, и он начал ее успокаивать все тем же способом и почти успокоился сам от ее вдруг ставших горячими поцелуев. Но она к следующему свиданию сходилась к врачу и передала Андрею дословно его слова о том, что у половины девушек потеря девственности происходит незаметно для мужа, совсем не так, как раньше у купеческих дочек. Он усмехнулся, вспомнив, что говорили ему другие: одна наткнулась на сук, катаясь на санках, другая еще в детсаду нечаянно воткнула не туда пальчик, а знакомая Бориса даже обвинила во всем майского жука, нагло залезшего тоже не по адресу. Увидев его усмешку, Вилька опять намеревалась уйти и опять не ушла. Успокаивая ее и себя, он обратил внимание, что она быстро вошла во вкус и все время хотела. Они опять заговорили о свадьбе, но ее пришлось отодвинуть к новому году, так как в конце ноября Андрею предстояла служебная командировка на Украину. Там он понял, что Вилька затмила собой Риту окончательно. Он отправил ей поэму и получил ответное письмо, начинавшееся словами «Здравствуй, любимый Андрюшенька, солнышко мое ненаглядное, радость моя единственная, любовь моя вечная», которые, как ему казалось, затмили его поэму. Он не мог дождаться конца командировки и уехал на два дня раньше.

Вернувшись домой вечером, он тотчас побежал к Вильке. Но дома ее не оказалось. Мать, показавшаяся ему растерянной от его прихода, сказала, что не знает, к кому из подруг пошла после работы дочь, однако во взгляде двенадцатилетней Аиды Андрей уловил что-то заговорческое с ней. Ситуацию осложнила трехлетняя Изольда, рисовавшая за своим столиком, которая крикнула:

Папа всела скасал, сто она опять поитет к Хлиске.

Аида, не удержавшись, прыснула, а мать сердито прикрикнула на Изольду:

Не говори глупость. Сиди и молча рисуй.

Догадавшись, что Изольда прошепелявила что-то лишнее, Андрей хотел спросить, кто такая Хлиска, но не посчитал нужным.

2. По дороге домой он заглянул в пивной бар. К нему подошел Васька Плот, все такой же конопатый, и уставился с усмешкой в пьяных глазах. В детстве он был главарем барачной шпаны, и Андрей играл против него в футбол двор на двор. В последней послеигровой драке Васька полоснул Андрея по спине ножом, однако тот скрыл от милиции, кто это сделал.

Васькина усмешка действовала на нервы, и Андрей, плеснув в его стакан пиво, сказал:

Уйди, Васька, не до тебя.

Раздумываешь, надо ли на ней жениться?

От удивления Андрей чуть не проглотил сигарету. Васька увел его, все еще не пришедшего в себя, к себе в барак. У входа в него дымили такие же, как и тогда парни с косыми челками допризывного возраста, почтительно расступившиеся перед Васькой. В длинном коридоре воняло керосином и помоями от ведер у дверей. Но в комнате, где Васька жил один после получения матерью с женатым старшим сыном квартиры, было свободно, не как раньше, кровать на кровати, и обставлена она была по-современному.

К свадьбе с Вилькой обстановку поменял, – сказал Васька и подал Андрею кипу писем.

В одном из конвертов Андрей нащупал фотографии и вынул их. На всех была Вилька, одетая и полуголая, кое-где в обнимку с Васькой, трезвым и счастливым до соплей. Открыв первое попавшееся письмо, Андрей прочитал: «Здравствуй, любимый Васенька, солнышко мое ненаглядное, радость моя единственная, любовь моя вечная». Дальше читать он не стал и поинтересовался, почему расстроилась их свадьба. Васька сбегал к соседям за бутылкой самогона и после того, как они, не закусывая, выпили по стакану, ответил:

– Вот и у меня была такая же морда и даже хуже, когда я узнал, что она путается с Гришкой Керосином. – Васька весело засмеялся. – Ага, вот теперь у тебя точно такая.

Другой она не могла быть, потому что представить Вильку с ее ангельской внешностью рядом и тем более под Гришкой было противоестественно. Керосинщика Гришку знали в городе все, как раньше в деревне знали юродивых. Он был метра под два, невероятно худой и с вогнутой спиной, над которой свисала голова, как у нормальных людей она свисает над грудью. Она, голова, была окружена полуметрового диаметра ореолом из кучерявых волос, заканчивавшихся лохматыми, как у Пушкина, до подбородка бакенбардами. Лицо его было изрыто крупными оспинными вмятинами, и на нем горели глаза с черно-красными белками. Одежду Гришка носил всех цветов радуги с преобладанием красного. В конце века на него и не взглянули бы, но в шестидесятые годы он был огородным пугалом, и Андрею почему-то казался грязным, скорее всего от того, что за версту от него несло «Шипром», смешанным с керосином.

Но возмутила Андрея больше даже не связь Вильки с Васькой и Гришкой (любовь, как говорится, зла, полюбишь и козла), а то, что она нагло лгала ему, строя из себя девочку. Естественно, такая жена была не для него, особенно после Гришки.

А Васька, разбавляя самогон слезами, стекавшими в рот по небритой щеке, рассказывал свою горькую историю любви с Вилькой, почти копию Андреевой любви к ней: и как без памяти

влюбился в нее, шестнадцатилетнюю, даже в сладком сне не помышляя о взаимности, и как, познакомившись с ней с помощью ее отца, год боялся прикоснуться к ней, как к хрустальной вазе, пока накануне свадьбы, вернувшись из командировки, не узнал, что она давно путается с Гришкой.

– Знаешь, что я, Андрюха, сделал? Я ей ничего не сказал и год драил, как последнюю сучку. Поделись, что она тебе набрехала, почему не целка? – Андрей рассказал. – А мне плакалась, что ее в четырнадцать лет изнасиловал взвод стройбатовцев.

– Зачем ты мне все это рассказываешь?

– Другому я бы и под пыткой не рассказал, а ты свой в доску. Не хочу, чтобы она и тебе испортила жизнь, как мне. Не веришь? Пойдем в керосиновую лавку. Она сейчас там у него.

Андрей ему поверил и в лавку не пошел. Он поинтересовался, что это за парни, дежурившие у ее подъезда.

– Ее обожатели. Каждый из них влюблен в нее без памяти и отдаст за нее жизнь, не задумываясь. У нее неземное притяжение к себе.

Она прибежала к нему на следующий вечер по-прежнему ангельски чистая и с такой любовью и нежностью кинулась его обнимать и целовать, что он не успел открыть рта насчет Васьки, как оказался в постели. Вот уж к кому шло определение «железная». Хоть бы раз пошевелинулась во время акта или вздохнула, отчего он все время находился под впечатлением ее неудовлетворенности и его мужской слабости и работал, как вол. К утру счет количества часов и палок перевалил за дюжину, а она как будто только что легла. До разговора ли ему было?

И все же он решился на него при прощании. Но она его опередила.

– У меня для тебя, любимый, есть приятная новость. Я уверена, что ты будешь счастлив, узнав о ней.

– А у меня для тебя есть не очень приятная, – сказал он. – Я вчера был у Васьки. Он мне все рассказал. И про Гришку тоже.

На миг она растерялась, затем усмехнулась язвительно.

– И ты поверил этому пьянчуге?

– Да, поверил.

– Минуту она изучала его лицо, только что не говоря: «И с этим дураком я связалась».

Но сказала другое:

– Ну что ж, в таком случае никакой новости для тебя не будет. Как-нибудь проживем без тебя. А ты продолжай слушать своего Ваську.

И ушла с гордо поднятой головой, заставив его почувствовать себя дураком.

Конец двадцатого века

1. Самое интересное, что в отношении Вильки у него до сих пор остались сомнения. Он, конечно, догадался, что она имела в виду под словами «как-нибудь проживем без тебя», но при мысли о Гришке у него тогда все воротило внутри.

Больше они не виделись, и он о ней почти не вспоминал, лишь иногда, встречая похожую на нее. Но таких красивых было мало. А сейчас он вспомнил о ней в связи с той не сказанной ею новостью, хотя по-прежнему тут же возник и Гришка, внеся сомнение. Но женщин ведь никогда не поймешь. Такая, как Вилька, могла и родить от него. Не от Васьки же и тем более от Гришки. Она говорила ему, что хочет это.

Он решил съездить в Летный попытаться разузнать о дальнейшей судьбе Вильки, теперь уже Виолетты Кузьминичны, а заодно наведать сестру.

Веронике он сказал, что надумал съездить к сестре, посетить могилы, повидать школьных друзей. Она со свойственным ей черным юмором спросила с усмешкой:

Попрощаться перед смертью?

Возможно, – ответил он.

Он и в самом деле прежде заехал на кладбище, где лежали дедушка с бабушкой и мать. На похороны матери он приехать не смог, так как узнал о них позже, и все время чувствовал вину перед ней. Вот и сейчас он попросил у нее прощение и чуть не добавил, что скоро встретится с ней.

Сестра Лена, как всегда, была рада его приезду и не знала, куда усадить. Она была старше его на три года и по-прежнему жалела его, как маленького. У нее было двое внуков, и ее жалость удваивалась из-за его бездетности. В основном из-за этого Вероника ей не нравилась, но об этом она никогда не говорила.

Как и мать, Лена не любила, когда он приезжал на машине, отказываясь пить, но в этот раз он остался на ночь. Ей очень нравилось вести с ним беседы о жизни, так как она с детства считала его умным. К его жизни за границей она относилась скептически, считая ее потерянным временем.

– Какой интерес жить среди чужих людей? – спрашивала она. – О чем с ними говорить?

Что правда, то правда. Он до сих пор не мог привыкнуть, слыша в толпе русскую речь. Там иногда он тоже слышал ее. Но в основном это были эмигрировавшие из СССР и России евреи, с которыми он не находил общего языка. Они ругали его родину, а он всегда защищал ее с пеной у рта. Больше всего его возмущало, что между собой они только и говорили о том, как им хорошо жилось в Союзе. Один хвалился тем, что был директором ресторана, другой – техцентра, третий заведовал продуктовой базой, и все-то у них было там вдоволь. А по телевизору и в газетах плакались, как их там безжалостно притесняли. Одним словом, сволочи.

– Андрей, скажи честно, ты бы смог там остаться навсегда? – часто спрашивала его Лена.

Это вопрос ему там задавали практически все, особенно в Штатах, вернее не задавали, а утверждали: «Ты, конечно, туда больше не вернешься». Его ответ повергал их в шок:

– Здесь я даже в могиле не смог бы лежать.

– Тебе здесь не нравится? – чуть не кричали они.

– Конечно, – отвечал он, делая специально паузу, – нет.

Он нисколько не кривил душой и был искренним. К государству, объявившему его страну империей зла и где даже слово «русский» («руски», а не «рашен») считалось матерным, он органически не мог относиться хорошо, и Россия там казалась ему еще прекраснее.

А его, в свою очередь, интересовало мнение Лены о сегодняшней жизни в России. Она, проработавшая всю жизнь на заводе и только что ушедшая на пенсию, как никто другой знала это. Она сказала фразу, показавшуюся ему верной: «Раньше мы почти все были небогатые, а сейчас почти все стали бедными».

2. В маленьких городах есть хорошая особенность. Там легко найти нужных людей по телефонным справочникам. У Лены они были все, которые выпускались в городе. Он начал со старого и сразу нашел Вилькин телефон, но с шестьдесят восьмого года в справочниках его уже не было. Зато были телефоны девятерых Плотниковых. Хозяина по имени Василий среди них не оказалось, но был Николай, его брат. Была суббота, и Колька оказался дома. Он был явно пьян, но Ларшина вспомнил как вратаря городской команды и назвал свой адрес. Через полчаса Ларшин входил в его квартиру с бутылкой в пакете.

Колька, постаревший и уменьшившийся в росте, но сохранивший черты конопатого лица, рассказал, что Васька спился окончательно и замерз зимой в шестьдесят девятом. А о Вильке рассказала Колькина жена Вера, тоже присевшая за стол. От нее Ларшин узнал, что Вилька

действительно ходила одно время с животом, когда именно, Вера не помнила, лишь сказала, что еще в молодости, но был выкидыш. Вера поинтересовалась тогда у Вильки, не от Васьки ли живот, на что та ответила, что она не дура, чтобы заиметь ребенка от пьянчуги. Васька к ней несколько раз подваливал, но она не хотела его видеть. Через год или два после выкидыша она вышла замуж за офицера и уехала с ним куда-то на Восток. А вскоре из города уехал и отец с семьей.

– Гришка Керосин еще живой? – поинтересовался Ларшин.

Его зарезало электричкой. Как раз во время его похорон у Вильки и случился выкидыш. Многие тогда подумали, что она была беременна от него. Но бабы, которые с ним жили, сказали, что в этом деле он был пустой, хоть и редкий как мужик.

Ночью у сестры Ларшин не сомкнул глаз, опять окунувшись в воспоминания, на этот раз связанные с Броней. Их он помнил чуть ли не поминутно.

Декабрь 1964года.

1. Вильке Андрей был благодарен за то, что она затмила хотя бы на время Риту. До встречи с ней ни одна девушка не могла равняться с Ритой, а на Вильке он даже чуть не женился. Расставшись с ней, он с радостью почувствовал себя почти свободным, хотя и вдвойне несчастным, чем тут же воспользовался Борис, втянув его в очередную любовную историю. Недели через две после Вильки он пригласил Андрея на соревнования по самбо со своим участием.

Как и следовало ожидать, он был не один.

– Хамишь, Ларик, – упрекнул он, – женщины совсем окоченели.

– Придется тебе в таком разе раскошелиться на мотор... Да, извини, это, – он потрепал по щеке маленькую кареглазую толстушку, – моя Галка, а это твоя Броня.

Андрей не успел взглянуть на свою Броню, как увидел такси и побежал ему навстречу. Водитель скосил глаза в его сторону и проехал мимо. На помощь поспешил Борис.

– Я так, наверное, и не дождусь, когда они признают тебя, – извлек он, глядя на Андрея с высоты своих метр девяноста.

– Да, к сожалению, закон о количестве и качестве понимается иногда слишком однобоко, – согласился Андрей, наблюдая, как послушно останавливается машина по мановению руки Бориса.

Он сел рядом с водителем и, обернувшись, спросил Бориса:

– Как зачеты?

– Осечка вышла. Физик несговорчивый попался. Но меня это меньше всего сейчас волнует. Мой главный экзамен через час. – Борис обнял Галку. – Ты будешь за меня болеть?

– Если получится, – ответила Галка. – А это очень больно?

– В зависимости от того, как ты меня любишь.

Это Борису легче, чем моргнуть. Андрей взглянул на Броню. Блондинка. Круглые, темные глаза. Они встретились с его, и в них, ему показалось, мелькнул испуг.

– Сколько раз ты проигрывал Вернику? – опять спросил он.

– Не это главное, Ларик. Важно, что я разделаюсь сегодня со стариком, самое большое, за три минуты. Зрелище будет потрясное.

Андрей приоткрыл окно и помахал рукой, делая вид, что проветривает кабину от бахвальства Бориса.

– Да, я забыл вас предупредить, – заметил тот. – Ларик у нас большой проказник. Причем шутки он заимствует у трехлетнего соседа.

Такси остановилось. Счетчик показывал два двадцать. Андрей протянул водителю три рубля. Тот взял и стал ждать, когда Андрей уберется. Но восемьдесят копеек в то время были не то, что сейчас восемьдесят рублей, да и из принципа он продолжал сидеть, ожидая сдачу. Увидев, что он упорствует, водитель повернул к нему трапециевидное лицо и с усмешкой уставился на него. Андрей сразу понял, что запас нахальства у мужика не ограничен и поспешил ретироваться. Наверное, все-таки правы те, которые утверждают, что нахальство является вторым счастьем в жизни человека. Таким легче прожить.

Борис отправился в раздевалку, а Андрей с девчонками прошел в зал. Тотчас репродуктор оповестил, что соревнования по самбо на первенство Москвы и области объявляются открытыми. На помост вышли спортсмены для представления болельщикам. Борис был уже в тренировочном костюме. Он был выше и массивнее всех.

– С кем он будет драться? – спросила Галка. Она видела одного Бориса.

Андрей указал на Верника.

– Какой урод, – скривилась она. – Он же вдвое старше Борьки.

Андрей до боли захотел, чтобы Рита вот также хотя бы раз посмотрела на него.

– Эдик, делай из него клоуна! – завопил ему кто-то в ухо.

На ковре уже боролись. Эдик в голубой куртке жонглировал парнем в красной.

– Нравится? – спросил он.

– Прелесть! – воскликнула Галка. – И почему я не родилась мальчишкой?

Броня смущенно улыбнулась, – Андрей отметил, что улыбка ей шла, – и не ответила, а спросила:

– Почему они такие жестокие? – У нее был немного высокий голос.

Он пожал плечами и подумал, что странная она какая-то.

Красная куртка не только упорно сопротивлялась, но все чаще наступала, только получалось это у нее неуклюже и неэффектно.

– Какой противный этот в красном, – сказала Галка. – Не хочет сдаваться.

– Он выиграет, – возразил Андрей, потому что понимал кое-что в самбо.

Он оказался прав: красный выиграл. Галка надула губы, Броня, напротив, с удовольствием хлопала. Он вновь задержал на ней взгляд. При свете ее глаза оказались совсем кобальтовыми. Почувствовав, что он смотрит на нее, она вскинула голову и развернулась к нему всем телом. И опять в ее глазах ему почудился испуг.

Наконец появились Борис в голубой куртке и Верник в черной. Борис посмотрел в зал, поискал их, но не увидел.

Диктор представил борцов. У Верника схваток и побед было в два раза больше. Андрей с тревогой подумал о том, что Борису будет нелегко. Зато, если он выиграет, то получит мастера спорта.

Он не ошибся. Борису было чертовски трудно. Галка даже заплакала, когда Верник так швырнул ее любимого головой о мат, что зал ахнул, и даже Андрей подумал, что Борису крышка. Но тот резво вскочил, потряс очумело головой и, согнувшись по-медвежьи, пошел на Верника.

Победил он на последней минуте, поймав все-таки Верника на болевом приеме.

К ним он подошел бледный и счастливый. Они шумно его поздравили, при этом девчонки расцеловали.

– Ларик, деловой вопрос, – отвел он Андрея в сторону. – У тебя рэ есть?

Андрей достал все, что было. Борис подсчитал в уме, скривился.

– Не густо. Ну, скажи, разве это жизнь? Имею я право хотя бы сегодня после двухлетнего поста сводить вас в ресторан? Вот помяни, что эти вшивые бумаги доведут меня до ручки.

Вернулся он, показывая несколько бумажек.

– Порядок, Ларик. Спасибо тому, кто придумал мансипацию баб.

– Эмансипацию.

– А, какая разница? Главное, что полезная для нас, мужиков, вещь.

2. Они отыскиали столик неподалеку от оркестра. Командовали парадом Борис и Галка. Андрей с интересом смотрел по сторонам, так как до этого лишь два раза был в ресторане: на практике и после защиты диплома. Он был уверен, что в рестораны люди ходят лишь в исключительных случаях. Например, как они сейчас.

– Первое слово на правах моего наставника Ларику, – объявил Борис.

Андрей взял рюмку, посмотрел на друга. Ему захотелось обнять этого динозавра.

– Боря, – растроганно сказал он и замолчал, глядя в рюмку...

...Борис стоял тогда в стороне, не слышал, но догадывался, о чем говорил Андрею тренер «Кометы».

– Значит, в воскресенье уже не будешь стоять за нас? – спросил он, когда Андрей подошел, с трудом сдерживая радость на лице.

– Может, еще раздумает ставить меня, – попытался успокоить его

Андрей и тоже вздохнул.

– Ха, раздумает! Он что, идиот? Где он найдет лучше вратаря для задрипанной «Кометы», если тебя даже в «Торпедо» брали? Ха! Ищи дурака.

Они долго шли молча. Борис сказал с завистью:

– Счастливый ты, Ларик. Наградил тебя бог талантом. А меня обидел. Кроме роста и животной силы, ничего не дал. А кому они, кроме драки, нужны?

– Вот и иди в самбо.

– Пошел ты со своим самбо. Я футбол люблю, понял?

И вот сейчас, через пять лет, Борис – мастер спорта, а он...

– Боря, – повторил Андрей. – Поздравляю и завидую.

– Спасибо, Ларик. Ух и отодрал бы я тебя. Такой талант загубил.

Выпив, Андрей сразу закурил. Хотелось как-то оправдать себя институтом, мол, и учиться было нелегко и стипендию нужно было обязательно получать, потому что без нее не смог бы учиться. А еще хотелось поддеть Бориса его институтом, куда они поступили вместе, Андрей уже давно работает, а Борис до сих пор сидит на четвертом курсе.

Оркестр: рояль, сакс, ударник, контрабас и труба, – заиграли, сначала застонал сакс в сопровождении рояля, потом вступили и остальные инструменты. Приятный мужской голос запел грустную незнакомую песню:

Листья желтые медленно падают
В нашем старом забытом пруду.
Пусть они тебя больше не радуют,
Все равно я к тебе не приду.

Андрей взглянул на Броню. Вначале она сидела, как семиклассница в президиуме, а сейчас посветлела, словно осветилась изнутри.

Ему часто говорили, что он умеет танцевать. Во время танца он весь отдавался музыке, поэтому танцевал сосредоточенно и молча. Вот и сейчас, танцуя с Броней, он только под конец подумал, что надо было бы сказать ей хоть что-нибудь, хотя бы для приличия.

Зато язык Бориса работал, как вентилятор. Андрей завидовал его беспечности. Сегодня Галка, завтра Броня, и никаких тебе переживаний.

Девушки куда-то исчезли. Борис сел верхом на Бронин стул, налил в стаканы, стукнул своим по Андрееву, расплескивая водку.

– Поверь, Ларик, в Броньке что-то есть зажигательное, уж я-то знаю, поверь. Чувствую, что она сможет вывести тебя из сна, в котором ты пребываешь. – Он придвинулся к Андрею и зашептал на ухо. – Галка мне шепнула, что ты понравился Броньке, понял? Я бы такую девку не упустил.

3. Андрей слушал и наблюдал за четверкой подвыпивших парней пижонистого вида, которые слишком нахально вели себя по отношению к одной паре, очевидно, приедем колхозникам. Те, наверное, пробегали весь день по магазинам и перед поездом решили поужинать в столичном ресторане. Пижоны уставились на них, словно это были не люди, а, по крайней мере, пара пингвинов. И когда к паре подошел официант принять заказ, один из пижонов, маленький, пухлый очкарик, делал рупором руки и громко зашептал:

– Ши... ши закажите, – и, подмигнув остальным, добавил, – лаптей хлебать.

Парни заржали. Вдруг очкарику пришла мысль, от которой стол, зашелся от смеха.

Андрей начал заводиться.

Очкарик, поправил очки, одернул пиджак и, изобразив на лице кротость, подошел к девушке с приглашением на танец. Она покраснела, вопросительно взглянула на своего напарника, который изучал меню, и, не дождавшись его согласия, нерешительно встала. Очкарик изогнулся, взял ее под руку и повел на площадку. Во время танца он ей что-то говорил, извиваясь и подмигивая парням. Они жадно ловили каждое его движение и хохотали.

Заметив, что Борис тоже улыбается, глядя на очкарика, Андрей взорвался:

– Перестань скалиться, черт возьми! Надо же иногда понимать, что к чему.

– Тот быстро согнал улыбку.

А что? Смешно.

Очкарик тем временем вернулся к парням, держась за живот.

– Ну и цирк! – застонал он. – Нюсей зовут. Из какой-то Ерохвевки... Что ни слово, то анекдот. Я, говорит, танцевать люблю... краковяк, ха-ха-ха! – Он сел, но тут же вскочил. – Кто следующий? Иди ты, Толян. Вот будет хохма!

Андрей встал и подошел к ним.

– Не хамите, ребята. Оставьте девушку в покое.

Смех оборвался. Можно было сосчитать до десяти, пока длилось молчание. Толян, спортивного покроя малый, привстал, потрогал лоб Андрея, покачал грустно головой, потом плеснул на руки коньяк и старательно вытер их салфеткой.

– Мальчик явно перепил, – проговорил он сочувственно, – у него не меньше пятидесяти градусов.

Андрей побледнел, ему показалось, что из головы одним качком выкачали все содержимое, отчего трудно стало дышать. Почти машинально он взял брошенную Толяном салфетку, еще больше скомкал ее и опустил в графин с коньяком. Она застряла в горлышке, и он протолкнул ее мизинцем.

– Вот что, – предупредил он, – к девушке вы не подойдете.

Они сидели, словно загипнотизированные.

– Я же вам говорил, что Ларик у нас большой проказник, – сказал Борис уже сидевшим за столом девушкам.

Галка хихикнула. У Брони был жалкий вид – одни испуганные глаза.

Только сейчас парни пришли в себя. Медленно поднялся Толян. Вскочил очкарик и, схватив графин, стал искать глазами официанта. Толян зло усадил его и долго что-то говорил. Заиграл оркестр. Скривив в улыбку губы, Толян резанул Андрея и злополучную пару, как бритвой, взглядом и сделал первый шаг. Андрей встал. Он не имел представления что бы произошло за этим, если бы между ними не прошел, уткнувшись в счет, официант. Толян неожиданно сел, Андрей – тоже, и вскоре забыл об этом эпизоде, тем более что заиграли «Приди в голубом», и он пошел с Броней танцевать.

4. Лучшей засады они не могли придумать: стена дома, забор, канава и метрах в пятидесяти ближайший фонарь. Андрей не стал обходить канаву, перепрыгнул через нее, поскользнулся и налетел на Толяна, выросшего, словно из-под земли.

– А вот и мы, радостно сообщил он и зашипел. – Молись, подонок, пока не поздно.

Позже Андрей не раз обыгрывал варианты этой встречи.

... – На колени обязательно становиться? – коротко спрашивает он и мастерским ударом в челюсть сбивает Толяна с ног. Кто-то прыгает на него сзади. Он пригибается и этот кто-то с воплем плюхается в лужу. Не долго раздумывая, он укладывает третьего. Больше всех досталось бы очкарику, но он во время исчезает.

Или:

... – Молись, подонок, пока не поздно

– А вот мы сейчас посмотрим, кто из нас богомольней.

С этими словами Андрей чисто по футбольному бьет Толяна в живот. Тот ломается пополам, и его голова оказывается у Андрея подмышкой. Толян отчаянно пытается вырваться и даже приподнимает Андрея, чем тот пользуется и петляет его ногами. Подбегает Борис. Трое бросаются на него. Борис швыряет метра на два одного, второго и дальше всех очкарика. Андрей отпускает Толяна, дает ему под зад коленом, и он обегает, высоко поднимая ноги...

Он был крупнее и выше Андрея, и это действовало.

– Ну, – опять прошипел он. – Считаю до трех.

При счете два Андрей расчетливо пнул его коленом ниже живота.

Одновременно в глазах у него вспыхнули разноцветные искры и погаси. Наступила темнота.

Когда он очнулся, то увидел, что сидит на земле, прислонившись к забору. Галка выжимала платок. Броня колдовала с пуговицами на его рубашке.

– Классно ты его уделал, – улыбнулся Борис. – Он так и не очухался, как следует до моего появления. Теперь ему нет смысла жениться.

Андрей с трудом поднялся. Голова кружилась и, казалось, распухла до размера бочки.

– Кто меня ударил и чем? – спросил он, еле ворочая языком.

Броня говорит, что очкарик бульжником. Я увидел тебя уже стоявшим на коленях.

– Как это... на коленях?

– Видел, как молятся: лоб в землю, зад в небо? А он, этот тип, которого ты двинул, стоял согнувшись над тобой. Пейзаж был редкий. Ты ему молишься, а он тебе зад целует.

5. Андрей все же уговорил Бориса не провожать его, и на «Комсомольской» они расстались. Борис и Галка поехали дальше, а он с Броней пересел на электричку. То, что она живет в Удельной, в трех остановках от его платформы, было для него приятной неожиданностью.

Всю дорогу он болтал. Броня больше слушала, смеялась и часто поглядывала на повязку на его голове.

Несмотря на ее мольбу уехать скорей домой, он вышел из электрички вместе с ней. Они прошли с десятков темных закоулков и наконец подошли к двухэтажному деревянному дому с вывеской «Общежитие».

– Здесь я живу, – сказала Броня.

По ее голосу он понял, что она стыдилась этого. Сделав вид, что не обратил внимание, он взглянул на часы. Было без четверти час.

– Последняя электричка уходит через полчаса, – сказал он. – Здесь можно где-нибудь присесть?

– За общежитием есть беседка. Иди к ней, а я сбегая за йодом.

Беседка, непонятное сооружение на трех столбах, сплошь обвитая засохшими вьюнами, оказалась довольно удобным и теплым местом. Декабрьская ночь была чуть морозная и безветренная.

Вернувшись и смазав йодом ранку, Броня села поодаль от него на скамейке. Он расстегнул пальто, пододвинулся, прикрыл ее и обнял за плечи. Она вздрогнула, но не возразила. Ему стало вдруг хорошо-хорошо. Он сел поудобней, положил голову на мягкое плечо девушки и почувствовал, что вот-вот уснет. Броня сидела так тихо, что даже не слышно было ее дыхания.

Он осторожно повернул ее лицо.

Вдруг она прижалась к нему, ее губы раскрылись. Натиск был настолько бурным, что у него перехватило дыхание. Черт возьми! Такого с ним еще не бывало.

Броня резко отстранилась и, проглотив его взглядом, не то сказала, не то спросила:

– Ты хороший.

– О, да, это правда, хотел состричь он, но сказал:

– Ты лучше. Кто ты:

– Не надо ни о чем спрашивать. Главное, что мне сейчас хорошо с тобой.

Ей-богу, ему тоже было не плохо. Ее голова лежала на его груди, а лицом он зарылся в ее волосах.

Так они едва не просидели отведенное расписанием время. Он неохотно поднялся. Броня тоже встала. Она была, как слепая.

– Какой у тебя номер комнаты? – спросил он.

– Двенадцать. Придешь? – обрадовалась она.

Он чмокнул ее в щеку и резво зашагал по безлюдной улице. По сторонам темнели частные дома. Собаки, обрадованные поводом полаять, свирепо лаяли. Он дошел до поворота налево. Дальше нужно было идти до трансформаторной будки и еще раз повернуть налево, как он и сделал. И уперся в высокие ворота. Вернувшись быстро к будке, он огляделся. Дорога, ведущая к Броне, дорога к воротам. Чуть поодаль виднелся еще один переулок. Недолго думая, он побежал к нему. До электрички оставалось семь минут. Переулок был явно незнакомый, но он все бежал по нему. Вдруг он стал спускаться вниз и уткнулся в пруд. Ни вправо ни влево дороги не было. Вот это фокус. Совсем рядом за прудом прошла электричка. Отчетливо было слышно, как она остановилась и, дав сигнальный гудок, тронулась.

Он постоял в раздумье и побрел в направлении гудка. И тут увидел беседку. Броня по-прежнему сидела в ней.

– Ты зачем вернулся? Зачем? – испугалась и обрадовалась она.

6. О том, чтобы он влюбился, не могло быть и речи. После Вильки он решил, что с него хватит.

Но несколько вечеров, проведенных с Броней, он мало чем отличался от влюбленного и не скупился на ласку. А о Броне и говорить было нечего. Такой нежности, такого шквала страсти он еще не встречал, хотя дальше поцелуев у них не заходило, потому что местом свиданий была все та же беседка. Броня была не Вилька, которая могла, где угодно.

Как-то они возвращались поздно вечером из театра. Едва электричка тронулась, Андрей сразу почувствовал, что с Броней творится что-то неладное. Она притихла, как-то сжалась,

отвечала односложно. Наконец он увидел, что сидевший напротив них парень в упор смотрит на нее. Он был старше Андрея, с большим горбатым носом, его волосы были уложены ровными грядками. Андрея поразила резкая перемена в выражении его лица, когда он перевел на него выпуклые глаза. Они презрительно сощурились, и на вышколенном лице появилась брезгливая улыбка. Андрей почти прочитал его мысли: «И с этим дерьмом ты связалась».

Броня резко поднялась и, взяв Андрея за руку, проговорила:

– Перейдем в другой вагон.

Чувствуя серьезность положения, он послушно пошел за ней, хотя вовсе не хотел этого. Уж очень ему хотелось еще раз помериться взглядом с этим наглецом. И все же он обернулся. Горбоносый сидел, низко опустив голову.

Обычная история, почти весело подумал он. Бросила козла, вот он и мечет икру.

– Это мой муж, – сказала Броня, когда они перешли в другой вагон. Он был почти пуст.

Он поежился, словно похолодало, и поднял воротник пальто. Стало тихо-тихо, как если бы электричка остановилась тли заложило уши, только слышался тихий плач. Плакала Броня. Он понимал, что нужно успокоить ее, сказав что-нибудь, потому что нехорошо, когда рядом плачут, но продолжал сидеть молча.

А кто пожалеет меня, думал он. Когда же я, наконец, встречу нормальную? То бляди попадают с ангельскими глазами, то чужие жены. Встречаются же кому-то еще не успевшие поднатореть в любви с другими. Но только не ему.

Не переставая всхлипывать, Броня заговорила:

– Когда отец разбился, он был летчиком... мать отвезла меня к ба, мне было три года... а сама с отчимом уехала в Польшу и за четырнадцать лет прислала лишь два письма... Первый раз я увидела ее в позапрошлом году, они приехали и увезли меня с собой... Там я увидела своего родного брата... мы подружились... только я скучала по ба. Может, я бы осталась там, но отчим стал приставать ко мне, мать возненавидела меня и выгнала из дому... как собаку...

Он достал платок и подал Броне. Она взяла его, высморкалась.

– Он, Марк, увидел меня сразу, как только я вернулась, и стал уговаривать меня выйти за него замуж... Я не любила его, он приезжал с отцом и матерью... правда, его матери не нравилось, что я не еврейка, а бабушке не нравился Марк... Но отец уговорил их обеих, и ба даже стала настаивать... Говорила, что отец у Марка известный юрист, сам он заканчивает институт, тоже будет юристом... говорила, что мне будет легко с ним, у меня все будет... все, что я захочу, и я поступлю в институт, в какой захочу при таком отце. Я все равно не соглашалась. Марк привозил своих друзей, девчонок, у него своя машина, и однажды они уговорили меня... увезли к кому-то на день рождения, напоили какой-то гадостью... Уже потом я узнала, что никакого дня рождения не было... Я убежала оттуда, хотела броситься под поезд, долго болела.

Она громко всхлипнула и вся затряслась. Он прижал ее голову к своей груди и гладил, гладил, пока она не притихла, а вскоре успокоилась вовсе. Зато ему стало невыносимо скверно. Он-то тут причем?

– Потом мы поженились, – уже совсем ни к чему продолжала рассказывать Броня. – Мне тогда едва исполнилось семнадцать, но его отец все устроил. А через месяц я убежала от него ночью в одном платье... не смогла больше терпеть его садистских выходов... прямо, как зверь, набрасывался... и каждый раз бил. А еще от него чем-то пахло. Дуся сказала, евреем. – Броня брезгливо сморщилась и вздрогнула. – Я переночевала у Галки, а потом устроилась на первый попавшийся завод, где было это общежитие. Ба приезжала ко мне, сначала ругала, а потом просила прощения. Я, конечно, простила, потому что, кроме нее, у меня никого нет.

Они вышли в тамбур.

– Вот и все, – сказала Броня. – Я знала, что тебе нужна другая и, узнав, ты больше не приедешь. И правильно сделаешь. Я не буду тебя осуждать.

Двери зашипели и раскрылись. Броня задержала на мне взгляд, глаза ее опять налились слезами, она измученно улыбнулась и шагнула к двери.

Он спрыгнул на платформу первым и помог ей сойти.

Они шли молча. Она сказала все, что могла, а ему говорить было нечего. Рассказать ей о Рите, которую даже ни разу не поцеловал, было бы смешно. Особенно сейчас. Словно в отместку. Сказка о Красной шапочке и быль о злодее муже. Он вспомнил его презрительную ухмылку и его всего передернуло от отвращения. Лучше бы он никогда его не видел. Теперь все время будет представлять, встречая Броню, как эта мразь ею обладала.

Они подошли к общежитию.

– Спасибо, что проводил, – сказала Броня. – Я очень благодарна тебе за эти дни. Ты не представляешь, как они помогли мне. Ты вселил в меня надежду, что я еще смогу любить и, возможно, быть любимой. Это ничего, что мне будет трудно. Это уже другая трудность, приятная.

Она как-то особенно хорошо улыбнулась, кивнула на прощанье и скрылась в подъезде.

Он долго стоял, плохо соображая, потом закурил и медленно побрел к платформе. За заборами захлебывались собаки. Одна из них, огромная, как медведь, прямо хрипела от желания разорвать его на куски. Он отломил от мерзлого куста ветку толщиной с палец и, подойдя вплотную к забору, – он был невысокий и редкий – начал хлестать собаку по раскрытой пасти. Она сражалась героически и наверняка легла бы трупом, не отступив. Ему стало легче, и отшвырнув ветку в сторону, он быстро зашагал прочь.

На какое-то мгновение ему показалось, что он отхлестал по выхоленной морде Брониного мужа.

7. Он решил, что с него хватит. Как говорится, сыт по горло. На эти вещи надо смотреть проще. Как Борис.

Его рассказ Бориса обрадовал.

– Наконец тебе повезло, – сказал он. – То, что тебе сейчас надо, чтобы окончательно выбросить из головы ту стерву.

– Чем же повезло?

– Возни меньше – раз и обучит этому ремеслу. Романтика: бабушка, внучка, муж нелюбимый и принц благородный – два. А главное, первое с блеском покрывается вторым. Только не пытайся убеждать, что не поедешь к ней.

– Не поеду.

– Ну и дурак. Опять играешь в рыцаря? Зачем кружить девке голову, если я на ней не женюсь? А ей, может, твоя женитьба сейчас нужна, как козе радиола, понял? А вот, кто ей наверняка после того еврея нужен, так это мужик, который бы ей нравился.

– Ну, теоретик, усмехнулся про себя Андрей и, чтобы кончить этот разговор, спросил:

– Физику пересдал?

– Полный порядок, Ларик, – слегка споткнувшись, ответил Борис. – С понедельника иду на стройку лабораторного корпуса. Все по плану.

– Какому? – опешил Андрей.

– В этом году должен был получить мастера? Получил? Получил. Нужна моим полушариям разрядка? Нужна.

– Не знал, что самбо основную нагрузку дает на мозг. Тебе опять дали академический отпуск?

– Куда они от меня денутся? Такие, как я на дороге не валяются. Декан попытался что-то изобразить, но его быстро вернули в чувство, сказав, что отличников много, а я один. Правда, условия выставили более жесткие, чем в те разы: к декабрю должен пересдать физику и английский и принести в деканат положительную характеристику с работы на стройке.

– Как говорить, осталось начать и кончить.

– Кстати, анекдот насчет начать и кончить.

У Андрея в запасе тоже кое-что было. Но пересказывать сейчас анекдоты прошлых лет – все равно, что напяливать на себя модное платье образца семнадцатого века.

8. Дня через три он уже знал, что поедет к Броне. Все эти дни он думал о ней.

Увидев его у двери своей комнаты, она по-детски обрадовалась, но на улице встала перед ним и спросила с дрожью в голосе:

– Умоляю, скажи, ты приехал не из жалости?

– Я хотел видеть тебя.

А под новый год она повезла его к бабушке.

Бабушка оказалась совсем не такой, какой он представлял по Брониным рассказам. Он собирался увидеть еще крепкую со следами былой красоты старуху, похожую на показываемых в кино старых графинь или островских купчих. Увидел же он жалкую совсем дряхлую согнутую старушонку во всем темном, заставившую его вспомнить нищенку Аришу. Да и дом, правда, большой, состоявший из четырех или почти полупустых комнат, скрипел на разные голоса и грозил вот-вот развалиться.

Бабушка встретила Броню радостно, а его настороженно.

– Это Андрей, – сказала Броня, целуя старуху, он хороший, и я его люблю. Увидишь, ба, и ты его полюбишь.

На старуху слова Брони не подействовали, и она продолжала коситься на Андрея. Он вышел на крыльцо покурить. В окно было видно, как сначала говорила старуха, сердито глядя на Бронины ноги. Один раз она выпрямилась, держась за бока, но встретив злой взгляд внучки, опять согнулась. Потом заговорила Броня. Ее голос он хорошо слышал.

– Нет, ба, на этот раз я поступлю так, как сочту нужным. И ты лучше не вмешивайся. Я молода и хочу жить. Я не хочу больше сидеть, как монашка. Хватит, целый год сидела. Но еще сидела бы, не знаю, сколько, если бы не встретила его. Я люблю его, ба, слышишь, люблю! И мне хорошо с ним, я счастлива, слышишь? И ты будешь к нему хорошо относиться или я сюда никогда не приеду.

Он спохватился, что подслушивает, спустился с крыльца и сел на лавочку у ворот. Старуха ему явно не нравилась, точнее, не она сама, в ее присутствие. Он понимал ее беспокойство, но помочь ничем не мог, потому что не знал сам, кто же он для ее внучки: добрый принц или злодей-искуситель. Он хотел быть первым, но чувствовал, что одного хотения мало. А разбираться во всем этом сейчас ему хотелось меньше всего.

– Ты здесь не замерз? – подошла Броня.

– Не ласковая встреча. Может быть, мне не нужно было приезжать?

– Она хорошая, только боится за меня. Но ей нечего бояться, правда, милый? Я сказала ей, что ты хороший, и она успокоилась.

Они вошли в дом. В прихожей бабушки не было. Броня стала накрывать на стол. Он открыл бутылку «Шампанского».

– Ба у нас непьющая, и нам больше достанется. Но, если ты хочешь, я приведу ее.

Он не очень хотел, и они остались вдвоем. Он разлил вино в большой и маленький стаканы – они были желтые, хотя Броня их долго мыла.

Броня светилась. Ежеминутно она вставала и прижималась к нему.

– А утром ба уйдет в церковь, и мы будем совсем одни в доме. Нам будет еще лучше, вот увидишь, милый. Я постараюсь, чтобы тебе было очень хорошо. Ты не пожалеешь, что поехал со мной. А для меня этот день будет самым лучшим в моей жизни. Тебе ведь хорошо? Скажи, хорошо?

– Хорошо, – согласился он. – Бабушка одна здесь живет?

– Одна. Поэтому я и приезжаю к ней каждую субботу.

– Не хотел бы я дожить до такой старости.

– Зато в молодости она пожила, как хотела. У деда на Арбате был свой магазин и двухэтажный дом. Он и сейчас еще стоит, ба мне показывала. После революции дед еще лет десять продержался, потом его все-таки сослали в Сибирь, но он успел купить ба этот дом. И денег, наверное, оставил, но сейчас у ба ничего нет, и она живет на мою зарплату. Поэтому я работаю на бетонном заводе, вожу песок, ужас, как тяжело, зато платят хорошо. Но не надо сейчас говорить об этом. Давай выпьем всю бутылку. Я хочу сегодня напиться. Ты не возражаешь, милый? За то, чтобы в новом году сбылись все наши желания.

Они быстро разделались с вином и опьянели. Он начал ремонтировать репродуктор, молчавший, по словам Брони, с тех пор, как она себя помнит. Она стала помогать, вернее, мешать. Неожиданно, к их восторгу, приемник заговорил. От него Андрей хотел перейти на утюг, но Броня отняла его, и они стали целоваться. Она сразу притихла, а у нег застучало в висках и закружилась голова.

– Милый, потерпи. Ты, наверное, забыл, что мы не в беседке, а дома.

В открытую дверь он видел, как она стелила постель.

Сквозь занавеску пробивалась луна, и он, уже лежа, видел, как Броня раздевалась. Он не знал, что это высшее искусство.

Потом ему каждый раз хотелось отдышаться, но Броня была неистощима, неистово целовала всего и каждый раз добивалась своего опять.

– Правда я умею делать это? – спрашивала она, склонившись над ним и разглядывая его лицо. – Уж чего-чего я не могу, а это умею, правда? Я даже не знала об этом. Недаром во мне течет польская кровь. Ты доволен мной, милый?

При лунном свете он видел ее блестящие, как ртуть, глаза, которые бегали по его лицу, словно впитывали его в себя.

– Вот так бы и смотрела на тебя всю жизнь. И больше ничего-ничего мне не надо. Раньше я думала, что тот, которого я полюблю, будет обязательно самый-самый красивый, а ты оказался совсем обыкновенный, и я знаю об этом а люблю еще больше, чем предполагала. Я бы все равно выбрала тебя одного среди тысячи красавцев. А ты меня любишь, милый?

Он молча протягивал ей губы.

– У тебя это было с кем-нибудь? Ты, конечно, можешь не отвечать, но я хочу, чтобы была у тебя первой. Хочу, слышишь? – Она вдруг отстранилась, задумалась. – А впрочем, какое это имеет значение?

– Какое это имеет значение, – повторил он, но вспомнив Марка и его ухмылку, подумал, какое большое значение это имеет.

Они заснули под утро одновременно, как умерли.

9. Он проснулся внезапно, словно от прикосновения, и чуть не закричал от страха: над ним висело мертвенно бледное лицо с ввалившимся ртом и впадинами вместо глаз. Было темно. Он зажмурился и почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Тотчас раздались шаркающие шаги и скрипнула дверь. Он догадался, что это была Бронина бабушка, и вытер холодный пот со лба.

Окна были закрыты ставнями, и сквозь щели пробивался слабый свет. Долго глядел он в незнакомый потолок, думая с жалостью о старухе и нежностью о Броне. Она, словно почувствовав это, заворочалась и прижалась к нему. Во сне лицо ее выглядело совсем юным и с закрытыми глазами оно напоминало живописную горную долину с яркими красками: губами со следами вчерашней помады, зернами зубов в полуоткрытом рту, носом с точками ноздрей, пятнами румянца на щеках, дрожавшими, словно на ветру, ресницами, дугами бро-

вей, рассыпанными по подушке волосами, – но без глаз на всем этом лежала печать безмолвия и холода.

Внезапно его пронзила мысль, от которой он привстал и потянулся к сигаретам: лежавшая рядом с ним девушка – чужая ему. Он не любил ее и не мог полюбить, как бы ни хотел этого и как бы она его не любила.

Он поискал глазами, куда стряхнуть пепел, и опять задержал взгляд на Броне. А может, все это бред, плод его фантазии: и черные волосы, и карие глаза, и идеал и его воплощение – Рита? Разве не также прекрасны эти пшеничные волосы и скрытые под ресницами кобальтовые глаза?

Он поднес ко рту потухшую сигарету. Пепел упал на одеяло. Он осторожно стряхнул его на пол. Броня открыла глаза – выглянуло солнце, и долина тотчас ожила, засверкала – и улыбнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.